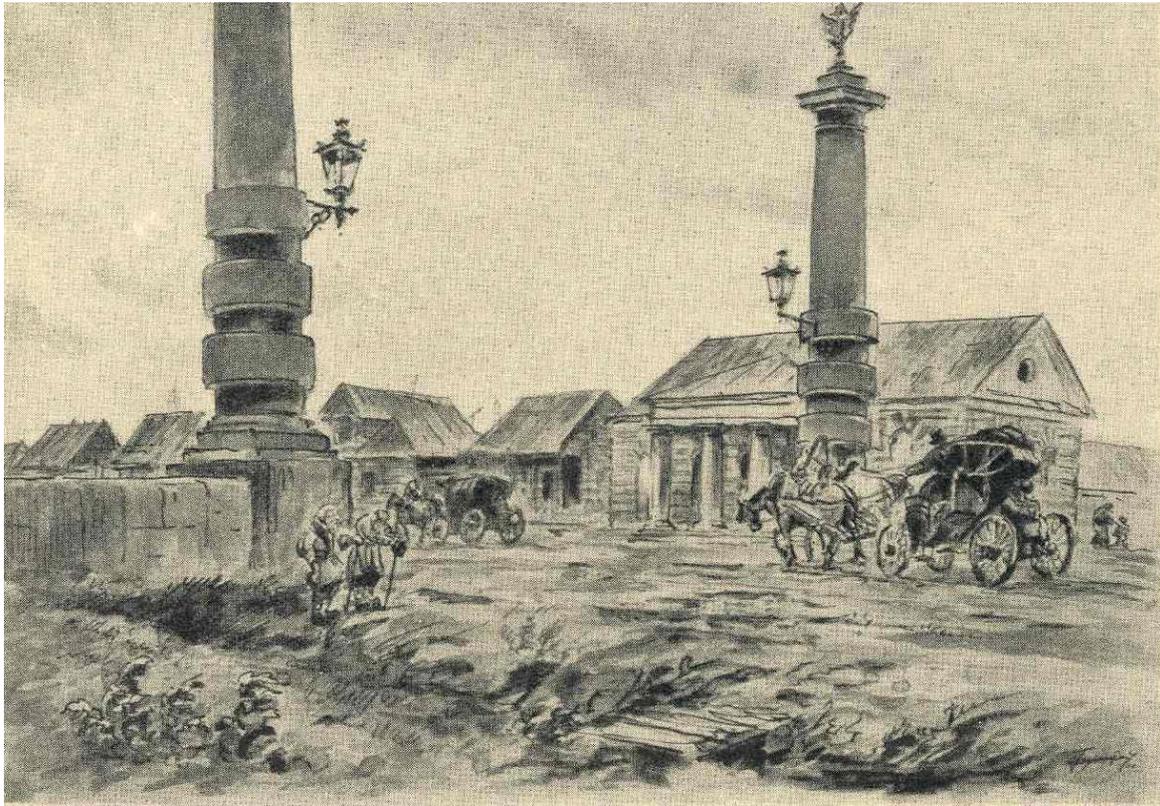

Выезд

Я специально не собирался в Санкт-Петербург, хотя всегда рад там побывать, и если такая возможность предоставлялась, то, конечно, я пользовался для этого поездом или самолетом. Известно, что в этом случае меньше хлопот. Но обстоятельства вынудили ехать самостоятельно, на машине. Чтобы сочетать приятное с полезным и не быть бездушным созерцателем природы, а также для того, чтобы отвлечься от шумной и столь же бестолковой столичной суеты, я взял с собой оба «Путешествия» – радищевское и пушкинское – и таким образом «заставил путешествовать» с собою и Александра Николаевича, и Александра Сергеевича.

Во времена Радищева и Пушкина из Москвы в Петербург, впрочем как и во все прочие города, добирались лошадьми: в кибитках, дилижансах, почтовых каретах, колясках. Например, постоянное движение почтовых дилижансов по Московско-Петербургскому шоссе было открыто с 1827 года, и экипажи отправлялись по четкому расписанию от главных почтамтов. Дилижанс представлял собой закрытую многоместную карету (от 4 до 12 мест) с сидениями внутри нее и на откидных скамейках позади возниц. Багаж крепился на крыше кареты и на откидных багажных полках сзади. Стоимость проезда от Петербурга до Москвы колебалась от 40 до 100 рублей, в зависимости от удобства места. Каждый пассажир мог взять с собой груз до 60 фунтов (24 кг). Разумеется, что такие поездки могли совершать только люди достаточно состоятельные. Например, молодой и начинающий сочинитель Н.В.Гоголь, снимая в 1830 г. квартиру в Петербурге, платил за нее 25 рублей в месяц, и столько же уходило «на стол»; да еще «на содержание человека» – 10 рублей; да на чай, сахар и хлеб – 20 рублей; прачке – 5 рублей; на сапоги – 10 рублей; на дрова – еще 7 рублей, а еще нужны деньги на библиотеку, на свечи, на парикмахера, на лекарство... Какие уж там путешествия!

ТВЕРСКАЯ ЗАСТАВА В МОСКВЕ В XVIII ВЕКЕ

С акварели художника Э. Бернштейна. 1949 г.

Дилижанс в пути сопровождал вагенмейстер, их смена происходила в Новгороде, Вышнем Волочке и Твери. Поэтому здесь были длительные остановки. Ямщики везли экипаж от станции до станции. Движение было круглосуточным, на больших станциях останавливались для отдыха. В одном из параграфов «Карманного почтового путеводителя», изданного в С.-Петербурге в 1831 году, говорилось: *«Дилижансы едут день и ночь, останавливаясь на короткое время, от получаса до двух часов, для завтрака, обеда и ужина там, где пожелают пассажиры»*. Путь от одной столицы до другой продолжался около четырех-пяти суток.

Сообщаю об этом для того, чтобы у читателя были более точные представления о путешествии двухвековой давности. Совсем нелишне,

если учесть, что все это уже кажется безвозвратно утерянным вместе с соответствующей культурой, правилами, языком...

«Отужинав с моими друзьями, я лег в кибитку. Ямщик, по обыкновению своему, поскакал во всю лошадиную мочь, и в несколько минут я был уже за городом», – начинает свое «Путешествие» Александр Николаевич Радищев.

«Узнав, что новая московская дорога совсем окончена, я вздумал съездить в Петербург, где не бывал более пятнадцати лет. Я записался в конторе поспешных дилижансов (которые показались мне спокойнее прежних почтовых карет) и 15 октября в десять часов утра выехал из Тверской заставы», – так начинает свое «путешествие» Александр Сергеевич Пушкин.

Такие поездки, на первый взгляд обыденные, длились несколько дней и превращали обычного пассажира в путешественника. Ведь когда едешь в кибитке, что может от тебя ускользнуть? Даже собака какая-нибудь завоет – и то высунешься, встрепенешься, а то и спросишь у первого встречного:

– А чего это она?

– Да ничего особенного. У тебя ногу отыми – и ты завоешь.

– А кто ж так, беднягу?

– Да вон, Никитка, мать его, как нажрется – так давай за собаками гоняться, а поймает какую – давай грызть ее...

Кучер, торопливо трогаясь с места:

– А лошадей твой Никитка не кусает?

– Лошадей нет. Что ж он, дурак что ли?

Разве не повод поразмышлять о жизни, откинув прочие дела?

А ведь кто на самолете или поезде – так, занятый собой, проехал бы мимо...

Но не только молча сидишь и едешь в кибитке своей. А перемена лошадей, ночлег, обеды?.. Это же всё остановки. А еще бывало, что колесо отвалится или еще что-нибудь прохудится. Тогда приходилось до ближайшей почтовой станции идти пешком, и остановки затягивались. И пока меняют колесо или ремонтируют кибитку, путешественник ходит вокруг, во все всматривается, ко всему прислушивается.

Сейчас путешествие лошадьми в кибитке или дилижансе едва ли будет кому по карману. Если и найдутся такие охотники, то это будет как из ряда вон выходящее удовольствие. Мы же отправляемся в свое путешествие на автомашине, имея в виду, что никакой другой вид перемещения не приносит столько радости. Ты совершенно одинок и также абсолютно волен в своих перемещениях. Никто и ничто не отвлекает тебя от общения с природой и не навязывает своих представлений об увиденном. Ты можешь ехать быстро или медленно, можешь завернуть в какое-нибудь селение или, если захочешь, сбавишь скорость, заметив причудливый пейзаж. А волен остановиться и зайти в церковь или встать на мосту через реку, любуясь ею сверху. Но главное – у тебя есть шанс притормозить у одинокого прохожего и завести с ним разговор.

Что такое свобода, если не возможность ехать куда хочешь? Многие ли могут позволить себе такое?